

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	9
Сорока	13
Скверный конец	24
Непрошенные советы	34
Заслуженная расплата	47
Образы	50
Оставь ее умирать	65
Роуч-Рок	69
Истории	90
Волчья голова	105
Почему ты не боишься?	115
Алхимик	117
Завороженная	129
«Если надо — ползи!»	144
Смертельная близость	146
На дне чашки	160
Святой Гомонда	171
И тем не менее я все еще жив	186
Камни	188

Приманка	203
Что ты с ней сделал?	212
Гузвар	217
Варианты.....	229
Смерть	237
С точностью до наоборот.....	241
Запуталась	245
Клятва	257
Я лучше покончу с собой.....	265
Дом	269
Удовольствие от плотских радостей.....	280
Вести.....	293
Прощай	304
Убежище	314
Я потерпел неудачу	321
Шиповник.....	324
«Две — тогда радость».....	337
Благодарности	345
Об авторе	348

Посвящается
Селе,
которая всегда знала, что я способна
написать роман о вампирах.
Талии,
которая в любой момент
готова к марафону просмотра «Сумерек».

*Легкой поступью она, казалось, блуждала по ча-
ще в поисках застенчивой фиалки; потом, внезапно
обернувшись, являла его воспаленному воображе-
нию бледное лицо и раненое горло с кроткой улыб-
кой на устах.*

***Джон Уильям Полидори,
«Вампир»***

ОТ АВТОРА

Действие этой истории разворачивается в реально существующей старинной часовне в Корнуолле, Англия. Введите в поисковике «Роуч-Рок», и вы без труда найдете ее. Я оказалась там спонтанно, когда мы неожиданно поехали в Корнуолл в первые выходные весенних школьных каникул и я искала наименее туристические места. Обнаруженное повергло меня в трепет, и я тут же поняла, что обязана включить это место в книгу.

Если хотите дополнить чтение визуальными образами, посмотрите мою доску для вдохновения на Pinterest (ник — [sharonlynnfisher](#)).

А если предпочитаете послушать музыку, которая вдохновляла меня во время работы над историей, плейлисты к моим книгам можно найти на Spotify. Нажмите кнопку «Профили» под строкой поиска и введите «Sharon Lynn Fisher».

И напоследок предостережение: описанное в этой истории алхимическое снадобье является вымышленным, и в его состав входят ядовитые растения. Оно безопасно для сверхъестественных существ, но никак не для людей.

ПРОЛОГ

ХАРКЕР

*Роуч-Рок, Корнуолл
27 сентября 1854*

Распахнув створку окна, я наклонился и втянул влажный воздух, наползавший с Госс-Мур. Долгие солнечные дни, после которых я чувствовал себя высохшим, словно сухая стерня, остались позади.

Хотя Ла-Манш находился примерно в семи милях к югу, благодаря неестественно острому чутью я улавливал солоноватый привкус морской воды даже в слабом дуновении ветра. И благодаря ему же мучительно остро осознавал, что куда ближе находится источник другого запаха, уникального аромата, который вот уже два года терзал меня почти ежедневно.

По дороге, пролегающей между деревней Роуч и моим родовым поместьем, шла молодая женщина. Высоченная гранитная стена и колючая изгородь скрывали ее от моих глаз, но я улавливал легкий стук ее башмачков по утрамбованной земле.

Я не знал, как она выглядит, не ведал ни ее имени, ни возраста, ни социального статуса. Мне было известно лишь одно: она практически ежедневно ходила в город и изредка сворачивала на тропу, пролежавшую через каменистую неровную пустошь, которая полого спускалась от моего каменного убежища.

Роуч представляла собой небольшой оживленный муравейник, кормивший окрестные фермы и рудниковые поселки, и путь многих людей пролегал по этой дороге. Но эта женщина... от нее исходил аромат таволги. Никаких цветочных эссенций или аптекарских снадобий, лишь ее собственный восхитительный запах.

Смесь сладкого миндаля и мускуса.

Отчетливее всего он звучал по утрам. Ближе к вечеру, когда она возвращалась домой, его приглушали деревенские запахи лошадей, дыма от труб и чая.

И все же за этим вечно меняющимся букетом я неизменно улавливал аромат ее крови.

Каждый приближающийся к границам моих владений источал его. Но никто другой не искушал изменить моей «жизненной эссенции» так сильно, как она.

Я захлопнул створку, хотя толку от этого было немного. Установленная в оконный проем, появившийся еще в пятнадцатом веке, она защищала от сквозняков ровно настолько, насколько можно ожидать.

Моей крепостью была часовня, сложенная из того же вида камня, на котором стояла. Она была возведена моим предком Джоном Трегарриком (изначально — Трегаррек, что на корнуоллском наречии значит «усадьба на скале»). Он намеревался преподнести ее в дар церкви, но, когда огонь уничтожил родовое поместье, перебрался сюда со всей семьей.

Так что это место лишь называлось часовней. Стены из черного шерла кварцевой породы, казавшиеся естественным продолжением высокой скалы, на которой они пустили корни, скрывали в себе *нечестивое*. Они защищали жителей Роуч от моего древнего рода и нас — от них.

Именно здесь я вырос, оставшись наполовину сиротой в тот самый день, когда явился на свет из материнской утробы.

Странная трагичность этого места и скрытность моего рода издавна порождали легенды в приходе. Одни говорили, что Джон Трегаррик уединился здесь из религиозного рвения. Другие — что он заразился проказой. Образ обитающего в часовне старого отшельника жил веками, хотя каждое столетие или два новый наследник вступал в право владения. Некоторые жители деревни верили, что у имения всегда был лишь один хозяин. И они оказались недалеко от истины.

Но об этом месте ходили и другие, более мрачные истории, особенно в осенние и зимние месяцы, когда ночи становились длиннее. Они предостерегали от «волка Роуч-Рок», безумного и кровожадного монстра. Невероятные сказки в этот славный век науки и прогресса, в которые верили лишь суеверные глупцы.

И все же кое-что из древнего лучше не предавать забвению.

Я посвятил долгую жизнь тому, чтобы добрые жители деревни Роуч — включая мою безымянную мучительницу — могли безмятежно существовать в неведении. Неустанно изучал недуг, передававшийся от отца к сыну. Изыскания привели меня к алхимии, которая помогла понять ущербность моего физического тела. Причину моей смертоносной жажды.

Алхимия также подарила мне некое подобие лекарства. Моя «жизненная эссенция» была заменителем той естественной сущности, что течет в венах каждого живого существа.

Хотя эссенция была *aqua vitae* — «водой жизни», в самом прямом смысле, — исцеления она не дарила. Алхимия не превратила меня в обычно-

го человека, точно так же как не превращала неблагородные металлы в золото и не открывала секрета вечной жизни.

И все равно я был благодарен и за то, что она дала мне. Ослабила страх, что в любой момент моя истинная сущность может вырваться на свободу, возродив былой ужас среди земляков. Высвобождая древнее зло.

Но единственное, на что она была способна, — лишь немного притупить тревогу, а не убрать причину.

СОРОКА

МИНА

*Деревня Роуч, Корнуолл
2 октября 1854*

— Мина, — сказала моя румяная хозяйка, внося на кухню поднос с чашками, — не могла бы ты убрать с того последнего столика, а я пока начну мыть посуду?

— Конечно, миссис Мойл. — Вытряхнув монеты из карманов фартука на стол, я направилась назад в чайную.

Слава богу, сейчас стало поспокойнее. На уборку урожая в Роуч нагрянуло столько народу, что мы с миссис Мойл едва успевали переводить дух. Жнецы, как и глиняных дел мастера, в основном предпочитали пенистый эль, сытное рагу и черный хлеб, подаваемые в «Волчьей голове», а те, кому там места не находилось, заходили к нам, и мы поили их чаем, кормили сконами и корнуоллскими пирожками¹. (Самое крепкое, что предлагали в «Сороке», — это темная чашка «Ассама»².)

¹ Изделия из грубого песочного теста (в его несладком варианте), в которое заворачивается начинка из мяса и овощей. Начинка помещается в пироги в сыром виде и доходит до готовности в процессе выпекания.

² Знаменитый сорт черного индийского чая, выращиваемый на северо-востоке Индии в долине реки Брахмапутра.

Направившись к одному из столиков у окон, я вспомнила, что ранее там сидел мужчина. Он в одиночестве читал газету, ел сконы с домашним клубничным вареньем миссис Мойл и топлеными сливками. Не сказать, что я обратила на него особое внимание, просто помнила, что он был вежлив, тих и опрятно одет. Вряд ли он жил в Роуч, но мы видали много подобных ему мужчин. Скорее всего, он был служащим компании по добыче каолина или олова.

Он оставил на столе газету, и я сунула ее под мышку, намереваясь отдать миссис Мойл. «Быть женщиной — не оправдание для невежества» — ее любимое изречение. Вернее, не просто изречение: хозяйка взяла на себя обязанность по обучению меня письму и чтению (помимо того немногого, чему меня научила мать), говоря, что, если я не сумею прочесть список покупок для рынка или записать заказ посетителя, от меня мало толку.

Несмотря на эти веские причины, я понимала, что ей одиноко. В этом мы были похожи.

Отнеся посуду на кухню, я смахнула крошки с тарелки и вытряхнула заварку из ситечка, а затем поставила все у раковины. Потом открыла чайничек, чтобы вынуть прилипшие к стенкам листья, и застыла.

Благодаря работе в «Сороке» моя жизнь изменилась, и все же существовало одно «но». Вытряхивая заварку из чайников, я начала различать в прилипших листьях причудливые очертания. Обычно это были свечи, цветы, полумесяцы, но время от времени — корона, меч или замок.

Порой, стоило мне увидеть что-то подобное, как вскоре до меня долетала какая-нибудь сплетня, словно связанная с этим видением. Как тогда, когда в чайнике, стоявшем на столике, за которым сидели молодые леди, я увидела кольцо, а через не-

сколько дней слышала, что одна из них обручилась. В другой раз мокрые листья чая сложились в линию на дне, и через месяц мы узнали, что то семейство отплывает в Америку. Но однажды я разглядела в чашке старой леди Рандл серп, и вскоре ее хватил удар.

Я корила себя за то, что обращаю на это внимание, но такое продолжало происходить. И, как ни старалась, я не могла не замечать эти очертания точно так же, как не могла не чувствовать исходящий от моего брата Джека запах джина, когда он по вечерам возвращался из глиняных карьеров (и из таверны).

В этом чайнике я отчетливо, как наяву, увидела сороку: чайники складывались в черные перья, а глазурированная глина самого заварника образовывала белые. Сороки приносили вести, и мама пела про них старый детский стишок:

Одна — лови гадость,
Две — тогда радость,
Три — жди девчонку,
Четыре — или мальчонку,
Пять — лови серебро,
Шесть — на тебе золото,
Семь — а вот и тайна,
Что не будет раскола.

«Одна — лови гадость». Рядом с сорокой вырисовывалась узкая заостренная форма, которую невозможно было истолковать иначе как нож. Или, судя по рукояти, скорее кинжал.

— Это последняя посуда? — спросила миссис Мойл, отворачиваясь от раковины; из-за идущего от воды горячего пара ее щеки покраснели еще сильнее.

Отогнав тревожные мысли, я моргнула.

— Да, мэ.

Кожу на затылке покалывало, когда я сунула руку в заварочный чайник и вытащила мокрые листья, после чего передала посуду ей. Потом дрожжащими пальцами взяла полотенце и начала вытирать чистые тарелки.

Забудь об этом.

Но у меня никак не получалось.

— Миссис Мойл, — сказала я, стараясь говорить непринужденно, — вы знаете господина, который сегодня днем сидел один у окна?

Обычно хозяйка ничего не упускала, и она тотчас посмотрела на меня. Но ответила достаточно мягко:

— Никогда раньше его не видела. Наверняка просто проезжал мимо. Кажется, с каждым днем в Роуч появляется все больше чужаков.

— Это правда. — С момента начала добычи каолина деревня разрослась, тогда же миссис Мойл открыла «Сороку». Она потратила на это деньги, вырученные от продажи конюшенного дела покойного мужа. Так я и нашла работу здесь.

Она изучала меня, пока я вытирала блюдце с узором из диких роз.

— С ужасом жду дня, когда тебе понравится какой-нибудь молодой человек и он украдет тебя, но этот точно годился тебе в отцы.

Я рассмеялась, чувствуя, как щеки заливают румянец.

— Да что вы, миссис Мойл, ничего такого и в мыслях не было.

Она протянула чистый чайник, чтобы я вытерла его.

— Ну, что у тебя на уме? Я же вижу, что-то не дает тебе покоя.

Я протерла полотенцем сияющую поверхность посуды.

— Вы сочтете меня глупой. Я и сама так считаю.

— Мина, я повидала немало глупцов и никогда не относила тебя к их числу.

Вздыхнув, я поставила чайник на полку у окна. Снаружи по саду стелился низкий туман, медленно петляя среди засохших стеблей. Большая часть цветов миссис Мойл не вынесла жары последних недель, но красные розы все еще цвели, а кое-где на вьющихся кустах вдоль задней изгороди виднелись нежные кремовые соцветия жимолости. Птицы уже принялись клевать боярышник, и, если мы хотели сварить желе, вскоре нужно будет собирать ягоды.

— Иногда... я кое-что вижу в чужих чайниках. Очертания или что-то подобное. И часто мне кажется, будто эти очертания пытаются мне что-то сказать.

— Так ты тассеограф, — с изумлением произнесла миссис Мойл.

Я приподняла брови.

— Тассе... кто?

В ее голубых глазах светилось любопытство.

— Тассеография! Я читала о ней, но никогда не встречала того, кто бы владел ею.

— Что это такое за искусство, мэм? — спросила я, находя некоторое утешение в том, что видениям нашлось название.

— Чтение по листьям чая. Они образуют фигуры — символы тех или иных событий: рождения, смерти, брака и тому подобного. Твоя мать, случайно, не владела этим искусством?

Я нахмурилась.

— Насколько мне известно, нет.

— Это вид гадания, некоторые женщины зарабатывают на нем. Однажды посетительница оставила номер «Таймс», в котором была статья об этом. В одной усадьбе в Йоркшире даже есть шко-

ла для юных леди, где обучают этой науке. — Она улыбнулась. — Моя бабушка всегда говорила, что рыжеволосые женщины наделены даром прорицания, особенно такие веснушчатые, как ты, моя дорогая.

У моей матери волосы были темные, но теперь, всерьез став рассуждать на эту тему, я вспомнила, что к нам на чай иногда заходили незнакомцы. Только когда отец работал на руднике. Мать садилась с ними, а нас с Джеком отправляла во двор развешивать белье или чистить картошку. После ухода незнакомца мама велела нам не докучать отцу разговорами о госте и давала по кусочку хлеба с вареньем. Однажды, садясь обедать, я увидела, как она быстро забрала со стола монету в шесть пенсов.

— Похоже, я ошиблась насчет мамы, — вымолвила я.

Миссис Мойл понимающе кивнула.

— Полагаю, некоторые считают это бесовским делом, и, возможно, она предпочла все скрыть. Хотя лично я так не думаю. — Она с интересом посмотрела на меня. — Ты увидела что-то в чашке того джентльмена? Поэтому спросила о нем?

— Да. Я увидела сороку.

Миссис Мойл задумчиво нахмурилась.

— Насколько я знаю, некоторые считают сороку дурной приметой, но моя бабушка верила, что эти птицы приносят вести из мира духов, а еще подают знак — следует быть внимательным.

Я сглотнула.

— Еще я увидела кинжал.

Теперь она помрачнела:

— Мне понятно твое беспокойство. Хотелось бы успокоить тебя: я уверена, что все будет хорошо. — А потом добавила уже веселее: — Может, этот мужчина еще заглянет к нам. Мои сконы не так-то просто забыть.

Я улыбнулась.

— Верно, это совершенно невозможно.

— Почему бы перед выходом в этот туман тебе не присесть в гостиной, а я сделаю тебе чашку чая? Она поможет развеять невеселые мысли.

— Все в порядке, миссис Мойл. Вы тоже устали. — возразила я

— Я успею отдохнуть, когда вечером в доме станет тихо. — Чайная находилась в старом коттедже со свежей соломенной крышей и дверью, выкрашенной в цвет молодой травы. Миссис Мойл спала в маленькой комнате наверху. — Можешь продолжить читать о приключениях юной Кэтрин Морланд, мне не терпится услышать твое мнение о ней!

С моей хозяйкой спорить было бесполезно, поэтому я вышла в зал и присела в одно из кресел у угольной печи.

Для меня не существовало места уютнее «Сороки». До этого в коттедже находился книжный магазин. Миссис Мойл убрала большую часть стеллажей и заполнила пространство разношерстными, издававшими виды столиками, которые ради «единообразия» и «практичности» выкрасили белой краской. Она рассудила, что для белых столов не нужны белые скатерти, которые неизбежно оказываются в пятнах от чая.

Белая мебель и фон из темных полов и деревянных панелей старого дома напоминали мне светлые и темные перья птицы, в честь которой было названо это место. Миссис Мойл удачно выбрала название, ибо сомневаюсь, что где-то в деревне сплетничали больше.

Картины над деревянными панелями придавали помещению яркости. В крошечные вазы на столах хозяйка ставила цветы из своего сада — весной и летом свежие, а в остальные месяцы — засушенные. Сэкономленные на стирке скатертей деньги уходили

